

Ромен Гари
Свет женщины

Romain Gary
Clair de femme

Ромен Гари

Свет женщины

роман

Перевод с французского
Нины Калягиной

издательство **астрель**

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г20

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Г20 **Гари, Р.** Свет женщины : роман / РОМЕН ГАРИ ; пер. с франц. Н. КАЛЯГИНОЙ. — М.: Астрель : CORPUS, 2010. — 191, [1] с.

ISBN 978-5-271-27177-9 (ООО “Издательство Астрель”)

Псевдоним Ромена Гари (настоящее имя — Роман Касев) происходит от русско-го глагола “гореть”. Знаменитый французский писатель с русско-еврейскими корнями, Гари — единственный автор, удостоенный Гонкуровской премии дважды. Голосуя в 1975 году за книгу “Вся жизнь впереди”, жюри не распознало манеру Гари и присудило ему премию вторично — на сей раз как молодому романисту Эмилю Ажару. Великий мистификатор Гари-Ажар вновь подтвердил тогда свою громкую литературную славу и навсегда вошел в когорту мировых классиков. “Свет женщины” — один из наиболее известных и зрелых его романов. Мишель и Лидия случайно сталкиваются — в буквальном смысле — на парижском перекрестке. Их встреча напоминает сцену из комедии, но фон у нее трагический. Оба потеряли самого дорогого человека, и единственный способ для них жить дальше — это снова обрести любовь. В 1979 году роман лег в основу фильма культового режиссера Константина Коста-Гавраса, а главные роли сыграли Ив Монтан и Роми Шнайдер.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-271-27177-9 (ООО “Издательство Астрель”)

- © Éditions Gallimard, Paris, 1977
 - © Н. Калягина, перевод на русский язык, 2010
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2010
 - © ООО “Издательство Астрель”, 2010
- Издательство CORPUS ®

Свет женщины

I

Я выходил из такси и, открывая дверцу машины, чуть не сбил ее с ног: пакеты, которые она держала в руках — хлеб, яйца, молоко, — посыпались на тротуар, так мы и встретились впервые, под мелким, уныло морозящим дождем.

Ей, пожалуй, было столько же лет, сколько и мне, или около того. Казалось, черты ее лишь в обрамлении седых волос приобрели наконец некую завершенность, годы подчеркнули и отделили то, что молодость и природное изящество только робко наметили. Похоже, она запыхалась, как будто бежала, боясь опоздать. Я не верю в предчувствия, но уже давно потерял веру и в свое неверие. Все эти “я больше не верю” — те же убеждения, причем столь же безосновательные.

РОМЕН ГАРИ

Я кинулся собирать то, что уцелело, и чуть не упал. Выглядел я, наверное, довольно комично.

— Оставьте...

— Простите... Мне жаль, очень...

Она рассмеялась. Морщинки разбежались вокруг глаз, выдавая возраст, теперь четко обозначившийся.

— Право, пустяки. Что упало, то пропало, мне же легче...

Она уже собралась идти дальше, и я испугался самого худшего — что сейчас мы разойдемся в разные стороны и потеряем друг друга навсегда, во имя условностей и приличий, просто потому что “так положено”.

Нас спас шофер такси. Он обратился ко мне, вежливо улыбаясь:

— Извините, месье, мне нужна улица Бургонь...

— Но... мы как раз на ней и находимся.

— Бар на углу улицы Варенн, не подскажете?

— Так вот же он.

— Ну и? Платить-то собираетесь или как?

Я порылся в карманах. Франков у меня не было. Я все обменял в аэропорту, и, когда попытался заплатить долларами, он мне тут же напо-

мнил, что “мы здесь во Франции, между прочим”. Я не знал, что делать, и эта женщина с седыми растрепавшимися волосами, в широком сером пальто выручила меня — заплатила по счетчику, потом, обернувшись, заметила, скорее с иронией, нежели с участием:

— Похоже, вам не слишком везет...

А я-то полагал, что со стороны это незаметно. Я не носил летную форму командира корабля, но мне всегда удавалось сохранять в глазах пассажиров и экипажа спокойный вид человека, который все держит под контролем и умеет находить выход из любого положения. Внешность соответствующая: широкие плечи, твердый взгляд. Но теперь я буквально таял на глазах; в наше время, однако, и на проколотых шинах можно проехать сотни километров.

— Вы правы, мадам, сейчас тот самый момент, когда в старых добрых романах человек идет к священнику, и по возможности — к незнакомому.

Развеселить ее мне не удалось. Взгляд мой моллил о подаянии, и она не могла этого не почувствовать. Никогда мне не приходилось оказываться в столь беспомощном положении. Когда я спро-

сил потом у Лидии, о чем она подумала в те первые минуты, она призналась: “Я подумала, что одолжила сто франков какому-то проходимцу, к тому же совершенно пьяному, и могу с ними распрощаться”. На самом же деле жизнь выбросила нас за борт, ее и меня, и произошло то, что называют встречей.

— Послушайте, я ваш должник...

— Какие мелочи...

— Если позволите, я выпишу вам чек...

Я возвращался из Руасси. Я отправился туда днем на такси, чтобы лететь в Каракас, как и задумал. Я устроился в углу, надвинул шляпу на глаза и так и сидел, слушая объявления о вылетах. Семнадцать лет я проработал в “Эр Франс”, и большинство экипажей знали меня в лицо, а я хотел уклониться от любых встреч и дружеских расспросов: “Что это ты, никак летишь пассажиром? Подумать только, полгода отпуска, не много ли? А Янник? Ты теперь отдыхаешь без нее?” Я был настолько выбит из колеи, что любое мое решение тут же реализовывалось в действии, совершенно противоположном. Я прослушал объявление о посадке на рейс в Каракас, прошел че-

рез зал ожидания, сел в такси и дал шоферу наш адрес на улице Ваню. Спыхватился я как раз вовремя и попросил высадить меня у бара на углу. И то это было слишком близко. Мы жили в этом квартале не первый год, и меня могли узнать. “В котором часу вы от нее ушли? — В три. Я собирался лететь в Южную Америку, и мой самолет... — Вас видели на улице Варенн в семнадцать двадцать. — Да, я вернулся. — И вы не зашли домой? Вы ведь были всего в двух шагах оттуда. — Нет, я собирался, но передумал. И потом, мы же договорились... — О чем же? — Мне не в чем себя винить. Что мне еще было делать? — В подобных случаях, сударь, оставаться в живых — низость. Достойнее пустить себе пулю в лоб”. В отношениях с самим собой я всегда злоупотреблял иронией. Однако если мне выпало жить дальше, и не один год, придется привыкнуть к таким вопросам, и чем скорей, тем лучше. Вряд ли они прекратятся в ближайшее время. И все же единственное, в чем я мог себя упрекнуть, так это в том, что не сел в самолет. Я не был убийцей, который прокрадывается на место преступления. Место... да наш голубой шарик так давно вертит-

ся вокруг Солнца, что всем даст фору по части преступлений.

Мы стояли под дождем среди валяющихся на тротуаре продуктов.

— Вот, пожалуйста, нам уже трудно расстаться, — сказал я.

Она рассмеялась, и от прорезавшихся морщинок лицо ее стало совсем добрым.

Кафе называлось “Арис”. У стойки сидел человек, очень элегантный, в пальто из верблюжьей шерсти и шляпе борсалино, он держал на поводке серого королевского пуделя, подстриженного как парк Ленотра¹. По случайности, которая, возможно, не была таковой — кто знает, а вдруг в этих музыкальных ящиках все подстроено, чтобы посмеяться над кем-нибудь или, напротив, кому-то угодить, — словом, один подросток попытал счастья, рискнув парой монет, и теперь слушал Шопена.

— Думаю, нам стоит поговорить, иначе все как-то уходит слишком быстро и неизвестно куда, и

¹ Андре *Ленотр* (1613—1700) — французский архитектор, мастер садово-паркового искусства, создатель “французского” парка с четкой геометрической планировкой. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

потом приходится возвращаться... “Не понимаю, что я делаю в этом кафе с совершенно незнакомым человеком”, так?

— Да.

К нам подошел официант.

— Два кофе со сливками, — сказал я и повернулся к ней: — Ну вот, теперь понятно, что мы здесь делаем.

Она улыбнулась не без некоторой жестокости:

— Я только жду обещанный чек, ничего больше.

— Бог мой...

Я достал из дорожной сумки чековую книжку:

— На чье имя?

— Выпишите на предъявителя...

— Все же я хотел бы знать ваше имя, вдруг пригодится...

— Лидия Товарски.

Человек с пуделем двинулся ко мне:

— Извините меня, месье... мадам... — Клоунским жестом он снял и водрузил обратно свою шляпу. — Я дрессировщик собак, и... у меня такое впечатление...

— Лас-Вегас, семьдесят пятый год, — помог я ему.

РОМЕН ГАРИ

Казалось, он обрадовался:

— Вы исполняли номер...

— Нет, я был барменом в “Сэндз”.

— Ах да, теперь припоминаю... — Он протянул мне свою визитку: сеньор Гальба, адреса агентств в Нью-Йорке, Париже и Лондоне. — Когда постоянно путешествуешь, под конец уже никого не узнаешь...

Я молчал. Он понял, сразу как будто забыл все, чем хотел поделиться, опять снял и надел шляпу и вернулся вместе с пуделем назад к стойке.

— Бармен, в Лас-Вегасе в семьдесят пятом, — что вы там делали?

— Ничего. Я там не был. Просто ему нужно было встретить хоть кого-нибудь знакомого, этому бедолаге...

Она посмотрела на меня с любопытством, но в то же время строго:

— Когда так быстро ставят диагноз “одиночество” незнакомому человеку...

— Не будем так сразу пускаться в откровенности, мадам, — ответил я с подчеркнутым достоинством.

Она опять рассмеялась, ненадолго разогнав окружавших меня призраков.

— Я говорю “мадам”, дабы показать, что соблюдаю дистанцию... Мы с вами совершенно друг другу чужие, мадам, и можете не сомневаться, я нисколько не преувеличиваю значимость этих двух чашечек кофе... Только что на улице я вас нечаянно толкнул, выходя из такси, ну и...

— А вы забавны.

— Если бы я только мог развеселить вас хоть на несколько мгновений, мне стало бы легче. Давать поводы для смеха — по-моему, это самый щедрый дар. А как вы, все в порядке?

За окном одна за другой проезжали машины — улица, разумеется, с односторонним движением — и день стоял серый и унылый. Дрессировщик стремительно набирался в баре, так что вскоре ему вообще никто не будет нужен. Пудель смотрел на него с мучительным беспокойством: не так-то просто понять человека.

Мы молчали, и вот что решило все: наше молчание не становилось невыносимым. Казалось, что вид у нее какой-то потерянный, но, может, мне просто нужно было на что-то надеяться.

РОМЕН ГАРИ

— Извините меня, — начал я. — Я не... Я только...

— Да, вижу. Я, знаете, умею распознавать сигналы бедствия. Представьте, я изучила эту науку. Я потеряла мужа и дочку полгода назад в автомобильной аварии. Что ж, полагаю, теперь мы можем распрощаться. — Она протянула мне руку в перчатке: — Не унывайте. Все еще, может быть, образуется.

— Я думаю вернуться во Францию к началу года и, если вы позволите...

— Да, конечно. Далеко вы?

— В Каракас.

Она долго рылась в сумочке, но так и не нашла ни чем, ни на чем записать. Я сходил в кассу за ручкой, и она написала “Лидия Товарски”, адрес и телефон на розовом листке оплаченного счета, шесть франков с мелочью, включая обслуживание. Я положил листок в карман.

Она мило улыбнулась мне на прощание, как бы говоря, что теперь мы в расчете, и вышла. Я не был уверен, что хорошо запомнил лицо, и догнал ее на улице. Она обернулась, вопросительно глядя на меня.

— Нет, ничего. Это чтобы узнать вас в следующий раз...

Седые, довольно длинные, до плеч, волосы она носила распущенными, не знаю уж, потому ли, что чувствовала себя молодой, или в память о своей молодости. Высокие, выступающие скулы; черные, необычно широко посаженные глаза, сияющие из темных впадин. Глубокая морщинка на переносице пересекала посередине прямую линию бровей, напоминая птицу, летящую на расправленных крыльях.

Она легко, по-дружески, положила ладонь мне на руку:

— Вам нужно вернуться домой и поспать. Позвоните мне как-нибудь, когда мы оба возвратимся из тех дальних стран, где сейчас находимся.

Подъехало такси, и все было кончено.

Что ж, по крайней мере, полчаса я убил.

Я вернулся в кафе. Ее незанятый стул сиротливо пустовал. На сиденье стояла пепельница. Мой приятель из Лас-Вегаса все еще торчал у стойки, и я решил угостить его чем-нибудь для поднятия настроения. Кальвадос, к примеру, или тот же коньяк. Верблюжье пальто с высоким воротом, старая

шляпа борсалино с широченными полями, лихо надвинутая на правую бровь, волосы, крашенные с особой аккуратностью, чтобы сохранить серебро седины на висках, — он был лет на тридцать старше моих первых воспоминаний: “бугатти”, “делаж”, а в кино — Джина Мане и Жан Мюра. Внушительный нос, прямо-таки мефистофельский, с горбинкой, и могучие ноздри. В черных оливках его глаз отражалась дряхлость Казановы, а нос, контрастируя с тревожно-тоскливым взглядом, решительно выдавался вперед, как бы в поисках подкрепления. Он исполнял в “Клапси” номер с дрессированными собачками и назавтра, вместе со своей труппой, состоявшей из ассистента, шимпанзе и восьми пуделей, собирался отправиться в турне по Мексике и Южной Америке.

— Это всемирно известный номер. Годы творческих усилий... Труд всей жизни. К сожалению, у меня постоянно сложности со страховкой. Видите ли... — Он приложил руку к сердцу. — Три микроинфаркта. Смерт.

— Как вы сказали?

— Это по-сербски: смерт. Я говорю на семи языках и должен вам заметить, что у славян, пожалуй,

самое подходящее название для этого... Смерть по-сербски, смерть по-русски, смьерчь по-польски... Есть в этом что-то змеиное... У нас, на Западе, совсем другие звукосочетания, более благородные, что ли: *la mort, la muerte, Tod...* Но смерть... Будто какая-то мерзкая тварь ползет по ноге... опасней, чем самый ядовитый скорпион. И вообще, на мой взгляд, люди относятся к смерти чересчур почтительно.

— В английском *death* тоже есть нечто шипящее, — заметил я.

— Точно. Так что же вы делали после Лас-Вегаса?

— Я никогда не был в Лас-Вегасе.

— Да? Значит, это был кто-то другой и где-то в другом месте. Не важно, встречи — это всегда приятно. Приходите сегодня посмотреть мой номер в “Клапси”. Я скажу, чтобы оставили для вас столик. Не каждый день встречаешь старых знакомых... Или заходите после, поужинаем. А? Вот моя визитка.

— Вы уже дали мне одну.

— Я живу неподалеку: отель “Кийон” на улице Боз-Ар. В половине первого ночи антракт между

РОМЕН ГАРИ

двумя отделениями, а мои выходы сначала в одиннадцать вечера, а потом в час. Наверняка там найдутся какие-нибудь общие знакомые...

— Я сегодня улетаю.

— Куда?

— В Каракас.

Совсем рядом какой-то молодой человек спросил телефонный жетон. Нет, о том, чтобы позвонить, и речи нет. Не могу я признаться, что не улетел, да еще и нахожусь поблизости.

— Приятная дама ваша спутница. Не хочу показаться нескромным... но со стороны это выглядело как разрыв.

— У вас наметанный глаз.

— О, это было несложно. Я сразу сказал себе: дело идет к концу.

— Верно. *Cheers!*¹

— Будьте! Официант, повторите. Я знал столько женщин в своей жизни, что, можно сказать, всегда был один. Слишком много — все равно что никого.

— Глубокое замечание.

¹ Ваше здоровье! (*англ.*)

— Это как раз и навело меня на мысль сделать такой номер... Вы должны посмотреть, он того стоит.

— Как-нибудь, обязательно.

— К сожалению, скоро мне придется уйти со сцены. Эта страховка такая подлая вещь. Они кидают вас при первом же удобном случае. Единственное, что меня беспокоит во всем этом, — мой Мату-Гросу.

Королевский пудель наострил уши и поднял серую лысеющую морду.

— Вы, наверное, заметили, что он не сводит с меня глаз? Как будто понимает, что меня тревожит.

— Смрт, — сказал я.

— Точно. Он боится остаться один. Собаки всегда так тоскуют! А знаете, может, он еще умрет раньше меня, в его-то годы... Ему скоро четырнадцать.

— Ну да! И давно вы вместе?

— Тринадцать лет. Он жил у одной женщины, которую я очень любил. Она сбежала с каким-то каскадером — мальчишка, двадцать два года, — они любят опекать начинающих, это понятно, —

и оставила мне Мату-Гросу, чтобы я не чувствовал себя таким одиноким... Он не состоит у меня в труппе: он не артист, просто друг. У меня всего восемь пуделей и шимпанзе. Жаль, что вы уезжаете...

Он порылся в портфеле и вытащил еще одну визитную карточку.

— Вы уже дали мне одну, — повторил я.

Он рад был любому лишнему подтверждению собственного существования.

Он вздохнул. Расплатился в баре. Мы долго жали друг другу руки на прощание.

— Может, еще встретимся где-нибудь... Очень рад был снова повидать вас. Очень.

— Я тоже.

Я вышел и направился к стоянке такси. В машине достал из кармана листок и назвал шоферу адрес. Временами меня охватывала паника, сменявшаяся вдруг полной пустотой, откуда-то выплывали отзвуки смеющихся голосов, вспышки воспоминаний; усталость раскапывала завалы памяти, выбрасывая иногда на поверхность обрывки счастья. Но в основном была тоска, и еще угрызения совести. Каждая минута казалась вы-

рванной из другой, погребенной жизни. Я снял часы, положил их в карман, но стало только хуже. Тогда я снова надел их и застегнул браслет. Было шесть вечера. Я даже не мог понять, то ли все еще только начиналось, то ли, напротив, уже кончено. В данный момент я должен был бы находиться высоко в небе, над Атлантикой, и, наверное, мы уже были бы довольно далеко, в том месте, которое пилоты называют точкой невозврата.

Старое здание на улице Сен-Луи-ан-Лиль. На почтовом ящике ее имя и приписка: четвертый этаж, налево. Я поднялся по лестнице. Красный ковер, кактусы в горшках.

Она открыла дверь, холодно смерила меня взглядом:

— Я ожидала чего-то в этом роде. Входите.

Гостиная была очень светлая. Из окон виднелись верхушки каштанов. Везде стояли цветы, но не в букетах, — должно быть, она покупала их сама. Из соседней комнаты доносилась мелодия индейской флейты, разбавляя одиночество. Задыхающиеся, вымученные звуки, выдуваемые хилыми легкими туберкулезника. Она взяла у меня

плащ, дорожную сумку, шляпу и куда-то их унесла. Я осмотрелся: на стенах не было фотографий, наверное, она прятала их где-то у себя. Я сел в серо-зеленое плюшевое кресло. Она вернулась, но садиться не стала.

— У вас нет собаки? — спросил я. — И не надо. Вам это вряд ли поможет. Сейчас все заводят собак. Огромный на них спрос, больше, чем когда-либо. Правда, я об этом в газете читал.

Она рассматривала меня очень внимательно, почти как врач пациента. Интерес вполне оправданный, если принимаешь у себя незнакомца со всеми признаками жертвы кораблекрушения. Наверно, она задавалась вопросом, есть ли еще уцелевшие.

— Вы похожи на человека, которого всю ночь допрашивали на набережной Орфевр. И естественно, у вас нет алиби. Конечно, это не так, но близко к тому. За вами... “хвост”?

— Именно.

— Там, в кафе, я с вами разоткровенничалась. Вы ухватились за первого же попавшегося горемыку. Распознали мгновенно. У меня тоже невесело. Если вас это утешит.

Я смотрел в пол, на синий палас под ногами. Мне хотелось во всем сознаться.

— Вы о моем приятеле из Лас-Вегаса, который сидел в баре? Со старым серым пуделем? Его зовут сеньор Гальба, и он коллекционирует инфаркты. Он очень беспокоится о своей собаке. Боится, что его любимец останется один. Пес не сводит с него глаз, будто знает, в чем дело. Вот сеньор Гальба и набирается под завязку, а собака с тревогой за ним наблюдает... Я подумал, что вам будет интересно это узнать.

— О да! Вы обратились как раз по адресу. У меня магазинчик всяких редкостей на улице Бургонь. Но, к сожалению, мне некуда вас поставить. Вы займете слишком много места.

Когда она улыбалась, вместе с улыбкой возвращалась жизнь: должно быть, в прошлом она была счастлива, и довольно долго.

Она прошла в соседнюю комнату, поставила заново ту же пластинку и усилила громкость, как будто хотела отгородиться от меня, потом вернулась.

— По-сербски это называется смрт и значит почти то же самое, что и ваша индейская флей-

та. Это мне сеньор Гальба рассказал, он, ко всему прочему, еще и полиглот. Теперь вы все знаете, и я могу идти...

Я подождал немного, но она не отвечала.

— Я не пьян. Просто я люблю одну женщину... Как нам случается любить... иногда. Кажется, мне нет нужды что-либо объяснять вам, вы понимаете. Мы с вами где-то одного возраста...

— Мне сорок семь.

— Сорок три, — поправил я.

Она как будто даже покраснела:

— Как вы узнали?

— Мы всегда все преувеличиваем. Говорим, что все кончено. Слушаем заунывные мелодии индейской флейты. Живем одни, чтобы доказать — прежде всего себе, — что получится. И все же смотрим на первого встречного так, как будто все еще можно начать сначала. Я бы добавил еще вот что: недостаточно быть несчастными порознь, чтобы стать счастливыми вдвоем. Два отчаяния, конечно, могут вместе составить одну надежду, но это лишь доказывает, что надежда способна на все... Я не за милостыней сюда пришел...

Я лгал, и это тоже был своеобразный способ просить подаяния. Она направилась к двери, я последовал за ней. Взял свои вещи. Она протянула мне руку.

— Надеюсь все же, что мы еще встретимся, — сказал я очень вежливо.

— Все возможно.

— Я должен вам объяснить...

— Ничего вы мне не должны. И потом, я все узнаю из завтрашних газет.

Я вышел. Она смотрела мне вслед, и я чувствовал, что она вот-вот расплчется.

— Странно, вы не похожи на подлеца, — сказала она сорвавшимся голосом и захлопнула дверь.

Мне следовало бы быть настойчивее. Она подала бы мне что-нибудь, непременно.